

ЛБЧ1 27

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
М И К Л У Х О - М А К Л А Я

К Р А Т К И Е
С О О Б Щ Е Н И Я

XXX

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

О. А. СУХАРЕВА

ТРАДИЦИОННОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО МЕЖДУ ЧАСТЯМИ ГОРОДОВ: В УЗБЕКИСТАНЕ

(Конец XIX — начало XX в.)

Одним из древнейших пережитков, восходящих своими корнями к раннему доклассовому обществу, является широко распространенный в прошлом у различных народностей институт традиционного соперничества между жителями отдельных частей городов и селений. Коренься в особенности организации общественного быта первобытного общества, пережитки этого древнего обычая долго сохранялись у многих народов, изменяясь, деформируясь в соответствии с условиями классового общества, но не исчезая вовсе.

Это соперничество всегда проявлялось в отношениях между ближайшими соседями, соединенными между собой экономическими, историческими и культурными связями, участием в общей жизни населенного пункта. Можно сказать, что соперничество само по себе было своеобразной традиционной формой общественной жизни, общественного быта.

Характерно, что, насколько позволяют судить собранные нами этнографические материалы, традиции соперничества в Средней Азии получили развитие главным образом (а может быть, и исключительно) в городах и их пригородах или в крупных селениях городского типа, быт которых принял форму, близкую к городской.

Проявляясь в форме постоянного соревнования, соперничество порождало азарт, традиционную вражду, порой обостряясь и приводя к столкновениям, разрешаясь в ожесточенных драках и боях между представителями различных частей того или иного населенного пункта.

Здесь нет нужды останавливаться на многочисленных параллелях обычая соперничества, которые засвидетельствованы у народов, проживающих в самых различных районах земного шара¹. Достаточно напомнить хотя бы традиционные кулачные бои в России, многократно описанные в литературе, в том числе и в художественной².

Пережитки института традиционного соперничества существовали и в Средней Азии. Отмеченные историческими источниками для ранних этапов феодализма, они не исчезли на самом позднем его этапе и сохранялись во многих местах еще в конце XIX—начале XX в.

¹ Обзор их см.: А. М. Золотарев. Родовой строй и религия ульчей. Хабаровск, 1939, стр. 145—148; С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 283—285.

² Последнее по времени описание см. в романе Дм. Петрова (Бирюка) «Сказание о казаках» (М., 1956, стр. 72—75), где говорится о событиях, предшествовавших первой мировой войне.

Этот древний институт у среднеазиатских народов был отмечен С. П. Толстовым, который, упомянув о нем в своей ранней работе³, подверг дальнейшему исследованию на более широком материале в одном из исторических экскурсов, включенных в капитальную работу «Древний Хорезм»⁴.

Собрав и обобщив сведения исторических источников об обычае соперничества в Ферганской долине⁵ и г. Кучи⁶ в VI в., в Гургене⁷, Нишапуре, Мерве⁸, Самарканде и Балхе⁹ в X в. (тогда, как отмечает источник, было мало городов, в которых нет распри)¹⁰, С. П. Толстов привлек к рассмотрению также и некоторые этнографические данные об этом обычае.

Выводя генезис этого обычая из дуальной организации первобытного общества, С. П. Толстов связывает с ней генетически также дуализм зороастризма¹¹, лежащий, по его предположению, в основе мусульманского культа Хасана и Хусейна¹². Этот культ, как показывают этнографические материалы, сохранился в народных массах как поздний вариант близнечного культа, дополняясь пережитками архаического культа реальных близнецов, в рождении которых, по имевшемуся представлению, принимали участие духи¹³.

В исследовании интересующего нас в этой статье обычая — традиционного соперничества между частями одного населенного пункта — С. П. Толстов основывается главным образом на сообщениях исторических источников. Из этнографических фактов он рассматривает лишь традиционную для многих народов Средней Азии спортивную игру *кокбури* (*копкари*) — борьбу за тушу козла (так называемое «козлодрание»), наиболее архаическую форму которой он находит в свадебном ритуале туркмен¹⁴. К концу XIX — началу XX в. борьба за тушу козла утратила ритуальный характер, превратившись в один из излюбленных видов национального спорта.

Других фактов бытования пережитков традиционного соревнования у народов Средней Азии С. П. Толстов не указывает.

Между тем в спортивной борьбе за тушу козла пережитки древнего института нашли далеко не самое яркое свое выражение. Проявления этого института были многообразны и подчас обнаруживали неприкрытую близость к первоначальной форме, представляя собой прямые аналогии деталей обрядов, описанных в исторических источниках.

Институт традиционного соперничества был тесно связан с традицией членения населенных пунктов на несколько отдельных частей, противо-

³ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10.

⁴ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Экскурс III, «Путь корябантов», стр. 282—285.

⁵ Таи-шу, ССХХI, в, стр. 8а.

⁶ Н. Я. Бичурин (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.—Л., 1950, стр. 296.

⁷ ВГА II, 358; МИТТ, I, стр. 208.

⁸ ВГА III, 336; МИТТ, I, стр. 205.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Все ссылки на исторические источники сделаны по работе С. П. Толстова «Древний Хорезм».

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 286—290.

¹² С. П. Толстов. Очерки первоначального ислама. СЭ, 1932, № 2, стр. 73.

¹³ О. А. Сухарева. К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», вып. II, 1951, стр. 163—165.

¹⁴ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1935, № 9—10; его же. Древний Хорезм, стр. 284.

стоявших друг другу. В ряде случаев такое членение (не раз отмечавшееся в литературе) в конце XIX—начале XX в. имело значение административного деления. Так, например, Ташкент делился на четыре части — *юрт* или *даха*. Каждая из частей в первое время после присоединения Средней Азии к России еще управлялась отдельными *минг-баши* (тысяцкими), имела своего судью (*кози*), а во времена беков и двух других чиновников, обычных для среднеазиатских городов периода ханства: райса и миршаба (*чор-хаким*)¹⁵. Самарканд делился на четыре части, называемые *кыт'а*¹⁶.

Четкость членения не была, однако, свойственна всем городам Узбекистана. Вопрос о членении Бухары, например, довольно сложен и запутан. Здесь не существовало таких четких, всем известных, отраженных в административном устройстве, частей города, как ташкентские даха и самаркандские кыт'а.

Следы членения на четыре части древнего района г. Бухары — шахристана — В. А. Шишкин видит в его планировке, в расположении улиц, крестообразно сходящихся к перекрестку, где стоит Купол ювелиров¹⁷. Можно видеть отражение членения города на четыре части в сообщении Наршахи о том, что квартал шахристана представлял собой четвертую часть территории шахристана¹⁸.

Мы не знаем, как членился город на последующих этапах своей истории, когда в него постепенно включались, путем постройки новых стен, пригороды (*рабады*). После того как была возведена в XVI в. последняя стена (сохранившаяся до Октябрьской революции), стали различать часть, охватывавшуюся древней стеной (*حصار قدیم*), и часть, расположенную между древней и новой стенами. Для определения этих частей существовали описательные выражения — «внутри старой стены» и «вне старой стены», которые встречаются во всех актах этого времени при локализации владений¹⁹. Эти выражения вышли из употребления в последующие века, вероятно, в связи с исчезновением всяких следов древней стены, которая и в XVI в. была уже, по-видимому, полуразрушенной.

В конце XIX—начале XX в. основной единицей членения города сделался жилой квартал (*гузар*), но отражения более древней системы членения все же сохранялись. Мы склонны видеть отдаленные следы этой системы в организации полицейского управления Бухары, описанного А. А. Семеновым. По его словам, г. Бухара делился на две части линией, проходившей от Самаркандских ворот к воротам Саллях-хона. Части эти назывались *сазм* (арабское *سهم* — сектор круга) и имели начальников, именуемых *бобо*²⁰.

Архаичный по своей природе термин бобо дает возможность поставить это деление города в связь с древней традицией. В других местах, например в г. Карши, термин бобо имел совершенно иной смысловой оттенок, позволяющий искать его первоначальный смысл в отношениях

¹⁵ Маев. Азиатский Ташкент. «Материалы для статистики Туркестанского края», IV, 1876, стр. 262.

¹⁶ Вероятно, этот термин можно связать с известным термином «икта». В таком случае этимология термина «кыт'а» может указывать на то, что деление городов (в частности, Самарканда) на части в эпоху феодализма имело социальное значение и, возможно, было связано с институтом феодальных пожалований.

¹⁷ В. А. Шишкин. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, стр. 30.

¹⁸ М. Наршахи. «История Бухары», перевод Н. Лыкошина. Ташкент, 1897, стр. 70.

¹⁹ См., например, акты в сб. «Из архива шейхов Джуйбари», М.—Л., 1938.

²⁰ А. А. Семенов. Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени. «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. II, Сталинабад, 1954, стр. 48.

доклассового общества. То значение, которое он приобрел в Бухаре, несомненно, является следствием его переосмысления в условиях феодализма, когда он стал употребляться в практике учреждений феодального государства.

Особенно ясные следы древнего членения Бухары обнаруживаются, однако, не в официальной жизни города, а в народных обычаях, связанных с древней традицией соперничества. Насколько тесно было связано древнее членение Бухары с традицией соперничества, показывает тот факт, что память об этом членении, как оказалось, сохранилась лишь в тех кругах бухарцев, которые в молодости принимали участие в состязаниях и драках между соперничавшими частями города. Таким образом, соперничество способствовало сохранению у части населения практического значения пережитков древней структуры города, память о которой у остальных жителей либо была совершенно утрачена, либо приняла форму исторического предания.

По сообщению мастера-строителя Усто Маджида Солихова (родился около 1850 г.), население города составляло раньше четыре отдельные группы (чор буляк будаги, улус — улус будаги): шахристанцы (шахристониҳо), регистанцы (регистониҳо), калободцы (кал-калободихо)²¹ и джуйбарцы (джуйборихо). Каждая из этих групп представляла собой сплоченное единство и постоянно боролась и соперничала с другими группами. Умиротворение этой традиционной вражды приписывается преданием Тимуру. Следует отметить, что это членение города на четыре части не является сохранившейся в неприкосновенности древней традицией, а связано в данном случае с историей сложения феодального города. Первая из указанных групп — это жители древнейшей части города, шахристана, вторая — той части, которая, вероятно, была включена в городскую черту при строительстве первой охватившей рабады стены, возведенной, по Наршахи, в середине IX в.; третья группа представляла собой жителей той части, которая еще в начале XVI в. составляла восточную окраину города, четвертая — жителей наиболее молодой части городской территории, включенной в нее строительством юго-западной части последней городской стены, возведенной при Абдулла-хане, во второй половине XVI в.

Вопреки мнению Усто Маджида о прекращении вражды между этими частями благодаря вмешательству Тимура, традиции соперничества не исчезли из быта бухарцев, и еще в начале XX в. среди мужской молодежи происходили весьма любопытные состязания. По сообщению другого информатора, бухарского мастера-ювелира Усто Косыма Миракова (1875 г. рождения), лично наблюдавшего состязания, молодые люди собирались компаниями, в каждую из которых входила молодежь одной из четырех частей города²². Сборища происходили весной, где-нибудь за городской стеной. Сначала каждая группа выпускала на круг бойцовых птиц — перепелов и петухов, потом — баранов (*гаголь*). Победа или поражение птиц и животных, выставленных одной из групп, знаменовали победу или поражение всей выставившей их группы. Поэтому исход борьбы глубоко волновал каждого члена этих групп, удачные удары встречались громкими криками радости и аплодисментами, над незадач-

²¹ В форме этого названия (буквально «плешивые калободцы»), вероятно, также отразилась старая традиция взаимных насмешек, порождавших широко распространенные «дразнилки».

²² По его словам, население города делилось на заргаронцев (заргарониҳо), регистанцев (регистаниҳо), жителей района Ляби-хауза (около медресе и мечети Надир-девои-беги) и жителей перекрестка (чорсунхо). Местоположение последнего района города остается неясным.

ливым противником издевались, еще более усугубляя горечь поражения, вызывая злобу и желание мести. Наконец, все больше разгораясь и ожесточаясь, переходили к состязаниям между людьми.

Бой, по описанию Усто Косыма, имел весьма своеобразную и оригинальную форму. Каждая из сторон выставляла своего бойца. Соперники не дрались — это было состязание на выдержку, выносливость и терпеливость к ударам. Сначала долго спорили, кому начинать: «Вы начинайте! Нет, вы начинайте!» Наконец, кто-нибудь соглашался начинать, что считалось менее выгодным. Тот, кому предстояло принять на себя удары, вставал поустойчивее, нагнув голову и ухватившись обеими руками за ворот своего распахнутого халата. Противник, соблюдая известные правила, начинал наносить ему удары, не встречая никакого сопротивления. Задача заключалась в том, чтобы устоять на ногах, проявить нечувствительность к боли, не попросить пощады. Когда бьющий останавливался, избиваемый спрашивал его, не нарушая вежливости в обращении: «вы кончили?» Если тот признавал, что он не в силах больше нанести удары, очередь бить переходила к тому, кто их принимал. Первую пару сменяла вторая, вторую — третья. Дрались кулаками, ногами (кокмазани) и головами. Выдержать подобное испытание было, конечно, нелегко, для этого была необходима специальная тренировка. Усто Косым рассказывает, что он лично знал человека, который ежедневно тренировался, ударяясь лбом о столб, поддерживавший крышу веранды в его доме²³.

Бои происходили в Бухаре не только между отдельными группами горожан, но и между жителями пригородных селений. Последние группировались в два соперничавших лагеря, один из которых носил название *казок*, другой — *ушрук*. Значение первого термина ясно, второй же пока не поддается расшифровке²⁴.

Как и Бухара, г. Карши не имел деления на части, подобные ташкентским даха и самаркандским кыт'а. Здесь различались центральная часть (собственно город), еще в начале XX в. окруженная стеной со рвом и представлявшая собой в плане почти правильный квадрат, и пригороды, охватывавшие эту часть города кольцом. Пригороды сохраняли полусельский облик и являлись вместе с тем ремесленной частью города.

В кольцевом членении этих двух городов — Карши и Бухары (делившейся на части, находившиеся внутри и вне древней стены) — выражаются характерные черты структуры феодального города, складывавшегося в процессе развития рабадов. Этот характер членения городской территории резко отличается от древнего ее членения прямыми перекрещивавшимися улицами²⁵.

В Бухаре древнее членение, смутно прослеживаемое в топографии, заменилось, в процессе многовекового развития этого города на одном и том же месте, членением, характерным для феодального города, вследствие чего древняя структура была перекрыта более поздними наслоениями.

Отсутствие следов этого древнего членения в Карши находит объяснение в позднем появлении города на его теперешнем месте. Связанный

²³ Как рассказывают, этот традиционный прием (удар головой) войны-узбеки применяли иногда в разгар рукопашного боя во время второй мировой войны.

²⁴ Может быть, оно является искаженным в таджикском произношении узбекским племенным названием «уч-урук». Семантика первого термина позволяет предполагать это значение второго термина. См. также дальше, стр. 128.

²⁵ См. описание планировки древних хорезмских городищ в книге С. П. Толстова «Древний Хорезм» (стр. 285).

своим происхождением целиком с феодальной формацией, будучи феодальным городом при самом своем зарождении, он, естественно, не мог носить следов структуры античного города.

Отсутствие древних черт в структуре города не могло, однако, полностью уничтожить пережитки связанных с ней институтов, в частности, института соперничества, сложившегося еще, вероятно, в древнем Нахшебе. Этот институт имел в Карши особенно четкие формы, отличавшиеся большой архаичностью.

Все пригороды Карши делились на две большие группы, именовавшиеся *эль*²⁶. Каждый эль группировался вокруг самого значительного из входивших в него кишлаков и носил его имя. Так, эль Чаримгар (тадж. Чармгар) состоял из гузаров Чаримгар и Курганча и кишлаков Гумгон, Кят, Чуг-думбай, Кавали, Арал, Худойзот и Чавкай. Эль Бузрукоб состоял из гузаров Бузрукоб, Бешгумбаз и Карлукхона и кишлаков Хараджуй, Гульшан, Арахона, Пистакент, Шуллюк-тепа, Кучкай, Чарвобой-гунди и Гавхона.

Центральная часть города — Кургон, населенная знатью, чиновничеством и богатыми торговцами, не входила ни в один эль и не принимала участия ни в соперничестве, ни в побоищах.

Во главе каждого эля стоял старшина, носивший, как и главы полицейских участков в Бухаре, название *бобо* (элнинг бобоси). Иначе старшина именовался *эль-боши* или *оксааккол*.

Функция этого лица, также как природа и значение в жизни населения самих элей, не вполне ясны; решение этого вопроса — дело дальнейших исследований. В данном случае мы берем лишь одну сторону вопроса — роль элей в традиционном соперничестве.

Это соперничество проявлялось во всем, постоянно служа источником внезапно вспыхивавших ссор между членами разных элей и нередко обостряясь во время тоев, особенно, если жених и невеста принадлежали к разным элям.

Одним из неизменно указываемых информаторами поводов к соперничеству был здесь обычай изготавливать к свадьбе или обрезанию букет или, вернее, деревцо искусственных цветов (*гуль*), игравшее известную роль в ритуале. Так как этот обряд требовал в изучаемое время значительных дополнительных расходов от хозяина тоя, он совершался лишь на празднествах в семьях богачей и знати.

Цветы готовились элями по очереди. Молодые люди эля, под руководством старшины, прилежно работали в течение нескольких дней, избрав для этого какую-нибудь просторную комнату для гостей в доме одного из членов своего эля. Хозяин тоя все это время посылал им продукты, из которых они сами готовили себе угощение²⁷.

Перенесение цветов в ритуальном шествии сопровождалось забавами и зрелищами, изобретаемыми теми, кто изготовил цветы. Эли соревновались друг с другом в искусстве и выдумке. Каждый старался превзойти другой эль, а те, кто не принимал участия в изготовлении цветов и подготовке забав, громогласно превозносили искусство своего эля и старались посрамить искусство соперников. Члены каждого эля состязались в умении сразить противника насмешками, проявив все свое остроумие и находчивость.

²⁶ Узбекский термин «эль» имеет много значений, из которых основные — народ, племя.

²⁷ Подробности этого обряда были сообщены Е. М. Пещеровой, которая любезно представила автору для использования свои записи.

По словам жителя г. Карши Саида Шоикулова, «когда несли цветы, между соперниками чармгарцами и безругтцами возникали ссоры, которые переходили в побоище»²⁸.

Ожесточаясь взаимными насмешками, постепенно приходя в азарт, молодежь начинала потасовку, в которой нередко проливалась кровь и дело иной раз доходило до убийства. В таких случаях элю, к которому принадлежал убитый, давался выкуп за кровь — *зун*. В выплате принимал участие весь эль непосредственного убийцы.

Помимо таких стихийно возникавших схваток во время тоев, поводом к дракам служили ежегодно происходившие в весеннее время бои перепелов и петухов, в которых также выступал эль против эля, каждый с равным числом бойцовых птиц. Победа одной стороны вызывала ликование тех, кто принадлежал к элю победителей, и насмешки их над побежденным элем. Споры о ходе борьбы и ее правильности, принимавшие ожесточенный характер, нередко переходили в драку (*дук*). Дрались чаще всего ногами, приемы драки регулировались обычаем.

Сражения бывали чрезвычайно ожесточенными и продолжались до тех пор, пока один из элей не обращался в бегство. И тут побоище не прекращалось сразу: победители преследовали бегущего противника до тех пор, пока он не оказывался на своей территории.

Если бой был особенно упорный и грозил тяжелыми последствиями, старшины элей старались, насколько возможно, остановить драку. В отдельных случаях им приходилось иногда обращаться за помощью к беку, который посылал своих воинов разнимать дерущихся.

Драки чаще всего происходили на перекрестке, называемом Бузрукот-дахнаси (сейчас там перекрещиваются улицы Эркин и Октябрьская).

Формы проявления древнего обычая соперничества в Карши отличались большой архаичностью. Характерной чертой его здесь было деление на две группы, а не на четыре. Последнее следует считать более поздним делением. Характерно обострение соперничества во время обрядовых празднеств, а также групповой характер драк.

Своеобразно проявление соперничества в изготовлении искусственных цветов и шествии с ними.

Глубоко традиционное значение искусственных цветов, игравших у народов Средней Азии заметную роль в оформлении народных праздничных гуляний и породивших весьма специфическое искусство их изготовления, — несомненно²⁹.

Изготовление искусственных цветов в Карши, украшение ими в праздничные дни торговых помещений в крупных среднеазиатских городах и описанное в литературе шествие с цветами в обрядовом семейном празднестве у таджиков³⁰ следует рассматривать как явления того же порядка, что и праздник тюльпана (*лолазор*) в Исфаре³¹ и праздник красной розы (*иди гули сурх*) в Бухаре. Все эти обычаи, несомненно, являлись пережитками древнего культа природы, получавшего в разные эпохи своеобразные формы и до недавнего времени сохранявшегося в виде пережитка в народных обычаях.

²⁸ Запись лаборантки Отдела этнографии ИИ АН УзССР М. Рузиной.

²⁹ Во многих среднеазиатских городах чрезвычайно декоративными букетами цветов из бумаги и окрашенной шелковой пряжи украшали в дни праздников чайханы и лавки продавцов съестных продуктов, особенно сладостей.

³⁰ Н. Н. Ершов. Гули гулдор у кыстакозских таджиков. «Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР», т. XVII. Сталинабад, 1953, стр. 92—94.

³¹ Е. М. Пещерова. Праздник тюльпана (лола) в сел. Исфара Кокандского уезда. Сб. «В. В. Бартольд». Ташкент, 1927.

Связанное с глубокой древностью и сохранявшееся до недавнего времени в Карши соперничество в изготовлении цветов родственно по своему происхождению с соперничеством в изготовлении ракет и фейерверка, описанным С. Айни в повести «Ахмад — заклинатель духов»³².

Рассмотренные нами обычаи бухарцев и каршинцев имели весьма близкие аналогии и в других районах.

Шахрисябз делился на две части; членение его носило древние черты, проходя по прямой линии — улице. В Шахрисябзе различали «верхнюю сторону» (северную) — *юкори томон*, иначе называвшуюся *уч-уруг*³³ и «нижнюю сторону» (южную), в которую входили кварталы от Чармгар до Кассоблик.

Обе части города постоянно соперничали друг с другом. Они выступали как состязающиеся стороны при боях птиц и животных, а также в драках. Бои происходили на холме Туркул-тепа, который некоторые считают остатками древнего Кеша.

Драки в Шахрисябзе отличались большой азартностью. Дерущиеся приходили в такое ожесточение, что попасться на пути убегающих или преследующих было небезопасно. Когда разносился слух, что началась драка, женщины и дети прятались по домам, двери закрывались. Дрались здесь также преимущественно ногами, бои назывались «дук»³⁴.

Традиционными были состязания в Ташкенте. Там соперничали все четыре части (даха) города. Однако главными соперниками здесь были две дахи — Шейхентаурская и Бешагачская, в то время как две другие — Себзарская и Кукчинская отличались более миролюбивым характером своих жителей, преимущественно ремесленников³⁵. Склонностью к дракам и бойцовыми качествами славилась жители отдельных махалля, например, махалля Чагатай Кукчинской части. Оттуда происходили многие известные борцы. Боевой дух воспитывался там с детства: мальчики этого квартала были известны своей драчливостью и задиристостью.

Состязания происходили на площади перед урдой, и это место носило соответствующее название — Джанг-гох.

Имеются сообщения о паличии состязаний в Пскенте. Здесь они принимали весьма своеобразную форму: противники сражались верхом, причем вместо коней служили люди. Они назначались из числа самых рослых и сильных, в то время как их более легкие и малорослые товарищи изображали всадников, садясь им на плечи. Задача заключалась в том, чтобы стащить противников на землю. В ходе борьбы, когда разгорались страсти, в битву вступали и «кони», и дело кончалось всеобщей потасовкой³⁶.

В Самарканде сражения происходили между жителями отдельных частей (кыт'а) города, практически выражаясь, однако, в драках между кварталами. Так, обычными противниками были жители кварталов Ляучакоп и Хоп-Саид-имом, драки между которыми происходили на мосту через протекавший здесь в глубоком овраге арык Чашма. Сражение на-

³² «*Ахмед Дيو Банд*» *Журнал دانش* 1928, № 8—9 (11—12), стр. 49—50.

³³ Название то же, по-видимому, что и в Бухаре (см. выше, стр. 125, текст и примечание 24).

³⁴ Запись Е. М. Пещеревой.

³⁵ Этот факт, возможно, говорит о более древнем происхождении первых двух частей и является отдаленным отголоском не четырехчленной, а двучленной структуры города.

³⁶ Сведения по Ташкенту и Пскенту были предоставлены Ш. И. Иногамовым.

чинали мальчишки, затем в него вступали подростки, затем юноши и, наконец, люди зрелых лет³⁷.

В Ленинабаде (Ходженг) сражались по кварталам, соперничество между которыми было постоянным, сложившимся в прочную традицию. Решив драться, молодежь квартала собиралась кучкой и хором вызывала противников особым возгласом «хо, хо, хуймо!», значение которого не совсем понятно³⁸. Заслышав этот крик, молодые люди соседнего квартала, находящегося с первым в традиционном соперничестве, сбегались, и драка происходила где-нибудь на перекрестке. Предварительных петушиных и перепелиных боев там не практиковалось.

Сезоном драки была ранняя весна, они начинались как только земля настолько просыхала, что можно было ходить босиком. Дрались босыми ногами, были выработаны твердые правила — куда и как можно или нельзя бить.

Есть сведения о том, что состязания и драки происходили также в городах Ферганской долины, однако формы этих состязаний автору настоящих строк неизвестны³⁹.

Во всех приведенных фактах следует подчеркнуть, что традиционное соперничество отнюдь не вело к разрыву связей между соперничающими частями одного населенного пункта.

Обычай соперничества, восходя в своем генезисе к древнейшим периодам истории, еще в начале XX в. был живой, бытующей повсеместно традицией, по крайней мере в Узбекистане, где этот обычай сохранял многие черты, описанные в источниках VI—X вв.

Так же, как в VI в. в день науруза в Фергане⁴⁰, в XIX—начале XX в. в Бухаре и других городах состязания открывались борьбой один на один, с постепенным вовлечением в драку всех представителей обеих сторон. Подобно тому, как в древнем Гургане, Мерве и Нишапуре⁴¹, в городах XIX—начала XX в. мы видим соперничество и борьбу между неразрывно связанными в единое целое частями одного населенного пункта. Таким же образом, как в древней Куче⁴² (Восточный Туркестан), в Бухаре и Карши XIX—начала XX в. бой начинался с состязания бойцовых птиц и животных, выставляемых каждой из соревнующихся сторон.

Сохранение в Средней Азии традиции соперничества во всех его своеобразных деталях является характерным примером длительности бытования пережитков древних институтов.

Естественно, что, бытуя в классовом обществе, древний обычай соперничества деформировался. Исторические источники сообщают, что кое-где он принимал форму религиозной распри. Так было, например, в Нишапуре (X в.), где традиционное соперничество приняло форму вражды между шиитами и карамитами⁴³.

Очевидно, ритуальная вражда неоднократно использовалась в принявшей различные формы классовой борьбе. Но нельзя не отметить, что основа сохранения описанного обычая лежала не в классовых отношениях, а в очень живучих традициях общины. Традиционное соперничество затемняло сознание трудящихся, заменяя классовые противоречия враждой с традиционным противником — соседом, направляя в эту сторону накопившуюся энергию народных масс.

³⁷ Сообщено членом-корр. АН УзССР Р. Н. Набиевым.

³⁸ Хо, хо — междометие призывания — эй эй; хуймо — наш нрав, характер.

³⁹ Сообщено М. Г. Вахабовым.

⁴⁰ См. С. П. Толстов, Древний Хорезм, стр. 283.

⁴¹ Там же, стр. 283, 284.

⁴² Там же, стр. 284.

⁴³ Там же.

2011/1
ДТ
ИФ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ

И М Е Н И
МИКЛУХО-МАКЛАЯ

КРАТКИЕ
СООБЩЕНИЯ

XXVIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

О. А. СУХАРЬВА

БЫТ ЖИЛОГО КВАРТАЛА ГОРОДА БУХАРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Одной из задач исторической науки является изучение быта народных масс. Однако многие стороны народной жизни слабо отражены в письменных источниках и остаются мало известными.

Для изучения быта народов Средней Азии может быть привлечен богатейший источник — этнографический. Особую ценность этот источник представляет собой при исследовании жизни народа на территории бывших ханств — Бухарского и Хивинского, где многие институты феодального строя со свойственным ему бытовым укладом сохранились вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

Большой научный интерес имеет изучение по этнографическим данным жизни феодального города. Ярким примером такого города была Бухара конца XIX—начала XX в. — столица феодальной деспотии, один из крупнейших торговых центров Средней Азии, а также крупный центр ремесла; в то время машинная индустрия там полностью отсутствовала.

Этнографические материалы хорошо освещают неизвестную по письменным источникам область жизни народных масс при феодализме: быт жилых кварталов, которые, как свидетельствуют исторические источники, зародились очень давно. Уже в сочинении Наршахи (X в.), освещающем жизнь Бухары начала VIII в., мы находим сообщение о составивших город кварталах.

Наше сообщение посвящено характеристике этой почти не затронутой в литературе стороны быта городов Средней Азии на примере Бухары конца XIX — начала XX в.

Термин «квартал» в приложении к городам Средней Азии может быть употреблен лишь условно. В отличие от квартала европейского города, здесь квартал представлял собой улицу, окруженную выходящими на нее домами. Граница между кварталами проходила по задним стенам домов, обращенных в разные стороны. В конце XIX — начале XX в. Бухара состояла из 217 жилых кварталов, размеры которых определялись историей их образования. Поэтому наряду с кварталами из 15—20 домов, были и кварталы, состоявшие более чем из ста домовладений. В этническом отношении население жилого квартала Бухары было разнородно. Разнообразие состава жителей квартала ограничивалось только тем, что все они должны были исповедовать мусульманскую религию (в условиях Бухары безразлично являлись ли они суннитами или шиитами). Представители других религий, в частности евреи, селились в особых кварталах. Население квартала могло быть разнородным и по характеру занятий. Однако проявлялось стремление к концентрации в квартале людей одной

профессии, особенно ремесленников. В классовом отношении состав жителей квартала тоже не был однородным. В одном и том же квартале жили люди различного имущественного положения, — простой народ и представители знати.

Однако при всем разнообразии состава и классовом неравенстве населения жилого квартала, при отсутствии в большинстве случаев деловой связи между жителями, квартал отнюдь не являлся простым скоплением обособленных домовладений. Его население представляло собой коллектив людей, объединенных в своеобразную общину. Жителей квартала объединяла общность территории: поселение семьи на территории квартала механически включало ее в квартальную общину.

В конце XIX — начале XX в. отличительной чертой квартальной общины Бухары являлось отсутствие связей с производственной деятельностью ее членов, в частности с цеховыми корпорациями, с которыми в прошлом она, возможно, и была связана. Хотя и в основе квартала, и в основе цеха лежали общинные традиции, эти организации существовали параллельно, не поглощая одна другую. В тех редких случаях, когда границы расселения ремесленников какого-либо цеха и квартала совпадали, они все же оставались независимыми: квартал имел свой орган самоуправления, ремесленная корпорация управлялась выборными лицами цеховой администрации.

Население Бухары было освобождено от работы по городскому благоустройству. Оно находилось в привилегированном положении, что выражалось, например, в освобождении жителей от работ по очистке городской оросительной сети. Эту повинность несли дехкане, жившие в пригородных сельских районах. Эмирские власти брали на себя очистку водоемов-хаузов, водой которых пользовалось население нескольких кварталов. За казенный счет ремонтировались чаще всего и находившиеся под наблюдением раиса квартальные мечети. Если заботу о строительстве мечети или новых водоемов, так же как и о ремонте старых, брал на себя в качестве «богоугодного дела» (савоб), живший в квартале богач, то осуществлял он это путем найма за свой счет мастеров и чернорабочих. Участие всего населения кварталов в этих работах здесь, по-видимому, не имело места. Таким образом, общественные работы, объединяющие население квартала в других городах, для Бухары не имели существенного значения.

Особенностью Бухары являлся более замкнутый характер быта населения квартала: общественная жизнь в нем проявлялась значительно слабее, чем в Ташкенте, в городах Ферганской долины, в Самарканде. В Бухаре квартал не имел, например, такого центра общественной жизни как чайхана, которая играла в других городах роль своеобразного клуба, где постоянно встречались жители квартала (мужчины). В чайханах Бухары пили чай и закусывали лишь приезжие, не имевшие в городе иного пристанища. Коренные бухарцы считали это не совсем приличным.

Единственным центром общественной жизни бухарского квартала была мечеть. Именно здесь решались многие вопросы общественной жизни квартала, в частности, проводились выборы органов самоуправления. Параллель, которая обнаруживается между ролью мечети в Бухаре и в прежних глухих районах горного Таджикистана, где мечеть заменяла древний «дом огня» (*алоухона*), позволяет считать положение, сложившееся в Бухаре, проявлением древней традиции.

Приведенные факты показывают, что в изучаемый период квартальная община бухары носила глубоко пережиточный характер. Она сохранялась не на основе производственных связей между жителями общины, а на основе совместного отправления официального культа и совершения семей-

ных обрядов, носивших, согласно обычаю, общественный характер. Обязательное ежедневное участие всех мусульман-мужчин в общей молитве превращало выполнение налагаемых исламом религиозных обязанностей в тяжелую повинность. Нести ее мог только коллектив. Таким коллективом и являлась квартальная община Бухары, составлявшая один приход. На обязанности прихожан лежало содержание мечети, оплата причта, ремонт, благоустройство и уборка здания. Обязанность совершать полные или частичные омовения перед каждой молитвой вызывала необходимость устройства особых общественных помещений, содержание которых также лежало на прихожанах. Зимой воду подогревали. В порядке очередности каждая семья доставляла для этого топливо или участвовала в его покупке. Квартальная община нанимала кого-нибудь из бедняков (жителей квартала) для обслуживания этого помещения и подогревания воды.

Оборудование мечети и помещения для омовений составляло неотъемлемую собственность квартала. В общем пользовании находился и некоторый инвентарь, необходимый для совершения культа или пиршеств (большой котел, блюда и пр.), а также носилки и гроб, служивший лишь для перенесения покойника на кладбище.

Пиршества, которыми отмечались важнейшие семейные события, играли большую роль в сохранении пережитков общины, объединяя жителей квартала и отчасти соседних кварталов в коллектив тойхур — «угощающихся на прах друг друга».

Участие в пиршествах, устраиваемых той или иной семьей, рассматривалось как священное право и обязанность каждого жителя квартала. Если семья на своих праздниках и поминках угощала всех жителей квартала, то и они, со своей стороны, должны были взять на себя часть заботы по организации такого пиршества. Молодежь квартала и многие из мужчин выполняли всевозможные работы и поручения: кололи дрова, приносили воду, резали морковь для традиционного плова, обслуживали гостей. Хозяин дома лишь встречал и приветствовал гостей; его место было у ворот, при входе в дом. Все семьи квартала обязательно приносили какое-нибудь заранее приготовленное кушанье.

Эта помощь была особенно ощутима в случае смерти кого-либо из жителей квартала. По обычаю, до трех дней в доме умершего не готовили пищи; все необходимое для питания семьи и многочисленных гостей доставляли, наряду с родственниками, соседи по кварталу.

Общинный уклад быта жилого квартала породил систему самоуправления, специальный выборный орган, который направлял этот быт, обеспечивал его правильное, в соответствии с обычаем, течение.

Квартал возглавлял выборный старшина — аксакал; во главе женской части жителей стояла кайвони. Они имели по одному помощнику. Аксакал, кайвони и их помощники могли быть смещены, если их деятельность вызывала недовольство жителей. В обязанности аксакала входило наблюдение за порядком на территории квартала, посредничество при продаже домовладений, разбор ссор. Он был главным советчиком при решении вопроса об устройстве семейных празднеств, определял в соответствии с положением семьи размер затрат, число гостей и их состав. Если скопленных семьей денег было мало, аксакал помогал получить недостающую сумму в долг, причем нередко и сам одалживал деньги не без выгоды для себя.

Принимая деятельное участие в подготовке празднеств и поминок, аксакал ведал распределением угощения на мужской половине, а кайвони — на женской. Они стояли «над котлом» и должны были точно расчи-

тат; чтобы пищи хватило на всех. По обычаю, они имели право отослать по блюду шлова домой. Злоупотребление этим правом было одной из наиболее частых причин их смещения.

Занимая почетный пост руководителя общественной жизни квартала, аксакал, как и другие лица самоуправления, считался слугой общества; о его деятельности говорилось как о службе — хизмат. На этот пост никогда не выбирали богача или знатного человека. Чаще всего аксакалом избирался мелкий торговец или ремесленник средней руки.

Характер отношений, связывавших жителей квартала, позволяет определить их генезис. Без сомнения, эти отношения идут из глубины веков, восходя к первобытно-общинному строю. Сохранившиеся до начала XX в. и деформировавшиеся под влиянием классовых отношений, квартальная община исторически была связана с соседской общиной. На это указывает значение территории, обуславливающей вхождение в общину.

К более ранней — родовой — общине восходит генезис обычая семейно-общественных ширшеств. Унаследованный соседской общиной, этот обычай перешел и в быт жилого квартала, сохранив некоторые черты, свидетельствующие о том, что в основе обычая лежат установления родовой общины. Особенно ясно это обнаруживается в том, что, приходя на похороны, все женщины квартала одевают траурную одежду, как если бы они состояли с умершим в кровном родстве.

Зародившись в доклассовом обществе, общинные отношения находили благоприятную почву для сохранения в условиях ранних классовых формаций, в частности в условиях феодализма. Как видно из настоящего сообщения, общинные формы жизни прочно сохранялись как пережиток в быту кварталов среднеазиатских городов, в частности Бухары.

Арханческий характер описанного нами быта говорит о том, что он не мог сложиться в классовом обществе. Сохранившись с глубокой древности, быт жилого квартала Бухары изменялся с течением веков в сторону все большего изживания общинных отношений, все большего ограничения сферы их действия. В результате этого процесса отношения между членами квартальной общины среднеазиатского города приняли описанную нами выше пережиточную форму.